

Р. В. РОНЬКО

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ИНФИНИТИВНЫХ КЛАУЗАХ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Введение

В исследовании рассматривается механизм выбора падежа дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке и севернорусских диалектах, а именно в инфинитивных оборотах, при которых есть прямое дополнение, выраженное именительным падежом (далее И. п.). Данную конструкцию можно проиллюстрировать примером из древнеовгородского текста «Вопрошание Кирика»:

- (1) **Достонт ли попоу свои женѣ молитва творити всякага** ‘Подобает ли попу о своей жене совершать любую молитву?’ [Вопрошание Кирика: 29].

Чаще в этих конструкциях прямое дополнение стоит не в винительном падеже (далее В. п.), как можно было бы ожидать, а в И. п. Вот пример конструкции с В. п., которая преобладает в древнерусском:

- (2) **Достонт ли, рече, глиньноу съсоудоу молитвоу даати · скверншю сѧ. ци ли толико древноу** ‘Подобает ли, — сказал (Кирик), — совершать молитву, если осквернен глиняный сосуд или только если деревянный?’ [Вопрошание Кирика: 24].

Внешне схожие явления в северных диалектах представлены и в клаузах с причастиями и личными формами глагола, а также в предложных сочетаниях: *он идет на могила* [Timberlake 1974: 107, волог.], но эти конструкции нужно исследовать дополнительно.

* Я благодарю всех, кто принимал участие в обсуждении моей работы и высказал критические замечания: А. В. Циммерлинга, Т. Е. Янко, Е. А. Лютикову, А. А. Пичадзе, М. Б. Коношенко. Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать закономерности появления И. п. прямого дополнения в древнерусском языке, показать, какие факторы влияют на кодирование прямого дополнения, а также продемонстрировать некоторые способы анализа подобных конструкций.

Дифференцированным маркированием прямого дополнения называется расщепленное кодирование пациентивного участника ситуации, выражаемое именной группой (далее ИГ) в позиции прямого дополнения, в зависимости от парадигматических или семантических свойств этого участника или всей ситуации в целом [Коношенко 2009]. В разных языках мира широко распространено явление дифференцированного маркирования прямого дополнения. Прямое дополнение в этих языках может кодироваться более чем одним способом. Так, например, в финно-пермских языках существительное в позиции прямого дополнения может кодироваться показателем родительного / винительного падежей или же этот показатель может отсутствовать. В языках мира выбор нужного показателя может регулироваться строгими грамматическими правилами, взаимодействием этих правил или их иерархией.

Марийский язык:

- (3) *tuvər-əm urg-aš lij-eš*
 платье-ACC сшить-INF можно-PRS3SG
 Можно сшить платье [Сердобольская, Толдова 2002: 106];
- (4) *Maj-ən tuvər urg-aš kül-eš*
 я-GEN платье сшить-INF быть.нужным-PRS3SG
 Мне нужно сшить платье [Там же].

Способ или способы маркирования прямого дополнения могут определяться следующими параметрами: одушевленность, референциальный статус, линейная позиция прямого дополнения, вес ИГ, темарематический статус, расположение акцентоносителя. Этому вопросу посвящен ряд работ, например [Comrie 1975; 1989; Moravcsik 1978; Haspelmath 2005; Коношенко 2009; Сердобольская, Толдова 2002; 2012; Лютикова 2014] и др.

Статья написана на материале берестяных грамот, текстов «Вопрошания Кирикова», «Русской Правды»; а также приводятся примеры из работ [Борковский, Кузнецов 2006; Крысько 1994; Попов 2012; Потеня 1958; Степанов 1984; Timberlake 1974]. В качестве типологической параллели рассматриваются аналогичные конструкции в северных диалектах современного русского языка, с опорой на материалы диалектологических экспедиций в Архангельскую область 1996—2007, часть которых представлена в диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка (запись примеров — А. Л. Мороз), и известную книгу Барсова «Причитанья северного края...» [Барсов 1882].

Раздел 1 данной статьи посвящен истории описания изучаемых оборотов в славистике. В разделе 2 освещаются основные факты существования инфинитивных оборотов с дополнением в И. п. в древнерусском языке.

В разделах 3—4 рассматривается влияние на выбор падежа прямого дополнения таких параметров, как референциальный статус, одушевленность, коммуникативное членение и порядок слов. В разделе 5 обсуждается гипотеза финно-угорского влияния на древнерусский язык и современные северные русские диалекты. В заключении подводятся итоги и суммируются полученные данные.

1. Проблема анализа инфинитивных оборотов с дополнением в именительном падеже в славистике и русистике

Указанная конструкция не раз становилась объектом внимания ученых, начиная с А. В. Попова (1881) и А. А. Потебни (1874). Она была определена, как «именительный подлежащего при неопределенном действительного залога»¹ [Попов 2012: 46]. Существительному в ней А. А. Потебня приписывал статус подлежащего [Потебня 1958: 372—375].

Конструкция рассматривалась как с точки зрения общего синтаксиса [Timberlake 1974], так и в плане эволюции грамматического строя индоевропейских языков [Степанов 1984]. В. Кипарский в своей книге [Kiparsky 1960] использует формальный подход, более полно развернутый в работе П. Посталя [Postal 1974]. Кипарский [1960: 356—357] утверждает, что в случае отсутствия подлежащего в матричном предложении оно всегда «поднимается» в главную клаузу из вставленной, интерпретируя таким образом дополнение как субъект. В. Б. Крысько [1994: 192—197] поддерживает мнение Попова и Потебни об изначальном субъектном значении данных оборотов. Закрепление конструкций «И. п. с инфинитивом» в функции В. п. он связывает с регуляризацией «категории одушевленности/неодушевленности» и распространением «соответствующей парадигмы на все парадигмы единственного числа» [Там же: 197]. А. Тимберлейк [1974] рассматривает древнерусские и севернорусские инфинитивные клаузы с дополнением в именительном падеже в сравнении со схожими конструкциями в литовских и латышских диалектах и постулирует в данной позиции грамматический объект, который возник как заимствование из некоторых финно-угорских языков [Timberlake 1974: 2—3]. Как кажется, удачно интерпретировать данные конструкции в терминах теории подъема нельзя. В рамках функциональной типологии в статье принят тезис о наличии в языке параметра «номинативный объект» [Циммерлинг 2002: 771]. Параметр «номинативный объект» утверждает, что зависимая именная группа финитной или нефинитной клаузы может получать именительный падеж.

¹ «Сущность этого рода оборотов заключается в том, что при неопределенном действительного залога, которое бывает сказуемым или дополнением к сказуемому, подлежащим является именительный, на месте которого с современной точки зрения следовало ожидать винительного» [Попов 2012: 46].

При этом между падежной маркировкой ИГ и статусом подлежащего/дополнения нет прямой корреляции [Woolford 2003], языки мира допускают как дополнения в И. п., так и «подлежащеподобные» актанты в косвенном падеже [Zimmerling 2013: 724].

Вслед за [Циммерлинг 2002] мы утверждаем, что ИГ в финитной клаузе может получать прямой (в данном случае именительный) падеж, и предполагаем, что ИГ, способная получать как В. п., так и И. п., всегда остается дополнением. Таким образом, здесь представлено дифференцированное маркирование прямого дополнения. В работах, описывающих данную проблему в финно-угорских языках [Сердобольская, Толдова 2002; 2012: 61], предложен алгоритм анализа факторов, влияющих на дифференциальное маркирование прямого дополнения, который принят и в нашей статье. Предлагается следующий набор факторов:

- референциальный статус прямого дополнения;
- коммуникативное членение предложения;
- одушевленность прямого дополнения;
- аспектуальные характеристики глагола;
- порядок слов.

Далее будет продемонстрировано, что факторы, выделенные исследователями для описания вариативного маркирования прямого дополнения в других языках, влияли на оформление прямого дополнения при инфинитиве также и в древнерусском языке. Выбор схемы, уже примененной на материале финно-угорских языков, кажется особенно удачным в связи с возможностью субстратного влияния, хотя доказать ситуацию языкового контакта исходя из полученных результатов не представляется возможным. В любом случае, подобный выбор является типологически обоснованным, так как изучаемое явление включается в группу явлений, подходящих под тип «дифференцированное маркирование прямого дополнения».

2. Некоторые особенности изучаемых оборотов

Появление И. п. вместо ожидаемого В. п. обычно наблюдается у существительных женского рода, склонения на *-а/-я*, но возможно, что И. п. распространялся и на другие склонения, как в следующих примерах:

- (5) ... **тѣбѣ рже свѣа снати** 'ты должен рожь свою убрать' [Зализняк 2004: 536] (нач. 1310-х гг. XIV в.);
- (6) ... **Давати ми доци, а сестри моі приставницать** 'Мне предстоит выдавать дочь, а моей сестре распоряжаться' [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 170] (последняя четверть XIV в.).

Примеры, где в данной синтаксической позиции выступала бы словоформа мужского рода, в древнерусском языке отсутствуют, самый ранний пример относится к старорусскому периоду [Зализняк 2004: 156]:

- (7) **А осетре имъ имати по старинѣ** 'А осетра им брать как раньше (по старинке)' [ГВНП: 93] (бумажная грамота XV—XVI вв., список с оригинала 1460 г.).

В древнерусском языке и севернорусских диалектах конструкция «именительный падеж с инфинитивом» оформляет сентенциальный актант в том случае, если в клаузе есть модальный оператор. Используются предикаты **достойт**, **надо**, **надоть**, предложения долженствования, условные предложения с союзами **аще**, **уже** и др. Даже если модальные слова в предложении отсутствуют, они там подразумеваются, что при более формальном анализе равнозначно введению в схему описания нулевого модального оператора с примерным значением 'следует Р', где Р — пропозициональный аргумент, ситуация (это соображение уже было высказано в [Степанов 1984: 129]):

- (8) ... **как кси дѣкънчалъ марке съ мнѣю мнѣ выхати на петрѣво днѣ к тобѣ и росмѣтрити съла своѣго тѣбѣ рѣже свѣа снати а мнѣ наклады твоѣ дати** 'Как ты, Марк, порядился со мной, я должен выехать на Петров день к тебе и осмотреть село свое, ты должен рожь свою убрать, а я должен отдать тебе проценты' (нач. 1310-х гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 536].

Здесь необходимо упомянуть правило, сформулированное А. А. Зализняком: при инфинитиве, зависящем от **хотѣти**, **велѣти** употребляется именительный падеж [Там же: 157]:

- (9) **Коли хотаче мѣтвѣу творити болному преже глаголи «трисвятою». таже «Святый боже». «Пресвѣтата Троице» «Отче нашъ». «Господи помилуй» .вѣ . Таже молитвы днютъ за болащата** [Вопрошание Кирика: 33].

О случаях, не поддающихся описанию с помощью этого правила, речь пойдет дальше. По-видимому, в севернорусских диалектах это правило не соблюдается, ср.:

- (10) *Хочу пить холодная вода* [Timberlake 1974: 112].

3. Референциальный статус и одушевленность

Референциальный статус — один из параметров выбора падежа прямого дополнения. Мы придерживаемся определения референтности, которое дано в работе Е. В. Падучевой [1985: 79]: референция — это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями». В русском языке нет грамматических средств, которые выражают категорию референтность/нереферентность и определенность/неопределенность (артикли, специальные морфемы и т. п.). Следовательно, нам следует иметь дело с референциальными характеристиками ИГ. Тип

референциального предназначения ИГ называется референциальным статусом [Там же: 83].

В [Падучева 1985] приводится классификация типов референции. Разделяются референтный статус и нереферентный. Референтными называются те группы, которые индивидуализируют объект. Для референтных групп важны признаки *+/-определенность* («определенность объекта одновременно для говорящего и слушающего») и *+/-слабая определенность* («определенность объекта для говорящего, но не для слушающего») Выделяются три типа референтных ИГ: определенные, слабоопределенные, неопределенные для говорящего [Там же: 87—93].

- (11) *Марина съела этот пирог;
Я знаю рецепт одного пирога, но не знаю, где достать ингредиенты;
Марина съела какой-то пирог.*

Нереферентными называются «субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов». В упомянутой работе выделяется четыре типа референциальных статусов: экзистенциальный, универсальный, атрибутивный, родовой.

Экзистенциальные ИГ описывают объект, «не выбранный» из множества объектов такого же типа:

- (12) *Марина хочет съесть какой-нибудь пирог.*

Универсальные ИГ описываются с помощью квантора общности. ИГ с атрибутивным референциальным статусом отсылают к объекту действительности посредством описания:

- (13) *Человек, который украл твоего верблюда, был слеп на один глаз* [Там же: 97].

Родовые ИГ отсылают к эталонным, типичным представителям класса:

- (14) *Каждый пирог хранится определенное время.*

Иерархия определенности по [Givon 1990: 570] выглядит следующим образом:

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя >
Референтное неопределенное имя > Неопределенное имя >
Нереферентное имя

В рассматриваемой конструкции существительные, зависимые от инфинитива, должны быть нереферентными, слабоопределенными или неопределенными для говорящего (по [Падучева 1985]). Исключение составляют примеры (5), (7), (15—17):

- (15) *Проси у царя, чтобы на блюде голова принести ему на пир, Иоанна Крестителя (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область));*

- (16) ... **товѣ знати своя отчина. а мнѣ знати своя отчина** ‘тебе знать свою вотчину, а мне свою’ (Моск. договорная гр. 1362 г., цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (17) ...и **печать своя Князю Местеру къ сей грамоте привѣсити** (Моск. гр. 1531 г. [Там же: 419]).

Одушевленность также часто является во многих языках одним из важнейших факторов, влияющих на выбор оформления прямого дополнения, в целом в языках и идиомах правила выбора прямого дополнения подчиняются типологической иерархии одушевленности:

Личные местоимения > Имена собственные >
 Наричательные обозначения людей >
 Наричательные обозначения животных >
 Наричательные неодушевленные [Silverstein 1976: 113].

В большинстве примеров интересующее существительное является неодушевленным, но есть и противоречащие примеры, которые не позволяют однозначно утверждать абсолютность этого фактора:

- (18) **Достойт ли рѣзати в недѣлю скотъ · же са пригодить или птица** ‘Следует ли резать в неделю скот, если случится, или птицу?’ [Вопрощание Кирика: 27];
- (19) **Достойт ли мужу жена пустити** ‘Следует ли мужу жену пустить?’ (Милятино евангелие; цит по [Timberlake 1974: 15]);
- (20) **Ино достотъ ли мужу жена своя наказати** ‘Подобает ли мужу наказывать свою жену?’ (Домострой, XVI в. [Там же: 15]);
- (21) ... **взять всю та скотина на государя** ‘взять всю ту скотину для государя’ (Домострой, XVI в. [Там же: 34]).

Подобные примеры есть и в севернорусских диалектах:

- (22) *Мне надо собака с собой взять* [Timberlake 1974: 105];
- (23) *С кем мне-ка будет свежа рыба кусать* [Там же: 104];
- (24) *А вот не знаю, почему, шо в дом идешь, дак надо в перву очередь взять кошку. Кинуть кошка, бросить кошка* (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область, 1996—2007 [НКРЯ]).

Неодушевленность и нереферентность сопутствуют данной конструкции, но могут также присутствовать и в примерах с В. падежом. В древнерусском языке примеры с референтным ИГ встречались единично, и в диалектном корпусе они тоже крайне редки. Тезис о нарушении фильтра на одушевленность в примерах типа (18), (21) зависит от границ класса одушевленных существительных в древнерусский период. Согласно [Крысько 1994: 46—47], названия птиц и животных входили в этот класс, хотя ясно, что слова *скотъ* и *птица* в контекстах типа (18) имеют генерическую ин-

терпретацию. В примере А. Тимберлейка (22) «собака» не имеет генерической интерпретации и обладает более высоким референциальным статусом. Вероятно, это говорит о том, что в севернорусских диалектах фильтры на одушевленность и референтность имеют большую «пропускную способность», чем в древнерусском. Согласно иерархии [Silverstein 1976], прямое дополнение в И. п. может быть у таких классов имен, как «нарицательные обозначения животных» и «нарицательные неодушевленные».

По классификации Е. В. Падучевой, мы относим имеющиеся примеры к классу нереперентных, слабоопределенных и неопределенных по отношению к говорящему. В любом случае, сферой варьирования конструкций И. п. + инфинитив и В. п. + инфинитив остается зона, где заведомо были возможны обе конструкции — т. е. высказывания с нереперентными и неодушевленными существительными.

4. Коммуникативное членение предложения и порядок слов

Если рассматривать данные сентенциальные актанты с точки зрения коммуникативного членения предложения, то становится очевидным, что во всех приведенных примерах есть семантическое основание для выбора падежа. Для анализа конструкции необходимо использовать понятие «тема» и «рема», «вопросительный» и «невопросительный компонент вопроса», а также понятие «акцентоносителя коммуникативной составляющей» [Ковтунова 1976; Янко 2001]. Под «коммуникативной составляющей» мы, вслед за Т. Е. Янко, имеем в виду «носителя коммуникативного значения. Это могут быть темы, ремы, вопросительные и невопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы...» [Янко 1999: 11]. К сожалению, сейчас невозможно судить об акцентном выделении в древнерусской фразе, но можно попробовать определить статус тем и рем в древнерусском языке там, где понятен контекст и намерения пишущего. И если нам понятен план содержания стоящих за перестановками элементов линейно-акцентных преобразований², т. е. понятно соотношение параллельно представленных в текстах вариантов словоупорядка и степень их маркированности³, то можно попытаться установить место акцентоносителя. Если прямое дополнение в древнерусском языке является акцентоноси-

² Понятие «линейно-акцентное преобразование» трактуется следующим образом: «ЛА-преобразование является аналогом понятия синтаксического перемещения, за вычетом двух основных моментов: 1) ЛА — преобразование может менять акцентуацию составляющей, не меняя ее мест в предложении, а синтаксическое перемещение не может; 2) ЛА-преобразование действует на коммуникативные, а не формально-синтетические составляющие» [Циммерлинг 2013: 264].

³ Ср. анализ словоупорядков SOV и SVO на древнерусском материале в работе [Пичхадзе, Родионова 2011].

телем, то при соблюдении остальных условий (модальность конструкции, неодушевленность, нереферентность) оно получает И. падеж. Алгоритм выбора акцентоносителя предположительно универсален и определяется законами прагматики и коммуникативной семантики: чем ниже статус ИГ в иерархии актантов, тем более вероятным кандидатом на роль акцентоносителя, при прочих равных условиях, он является [Янко 2001: 72]. В [Янко 2001: 72] представлена иерархия элементов, которые располагаются «в порядке возрастания их права на роль акцентоносителя в коммуникативном компоненте»:

Предикат (Р) — сирконстанты (С) — актанты
(в порядке, заданном актантной структурой предиката —
А1, А2, А3, А4, А5, А6).

Как правило, акцентоносителем ИГ является в том случае, если находится в реме или вопросительном компоненте вопроса. В примере (1) акцентоносителем, согласно иерархии, является определение прямого дополнения «всякая», которое согласуется со словом «молитва». Таким образом падеж получает целиком ИГ «молитва всякая». Акцент, как правило, регулярно размещается на прямом дополнении. Рема распространяется на всю именную группу. Кроме того, именительный падеж может получить ИГ, которая находится в фокусе контраста, и в которой И. п. является дополнительным маркером акцентоносителя, усиливая выделение. Ниже приведен материал, демонстрирующий данное явление.

- (25) **Аже человекъ живъ дастъ сорокоустькѣ. достонт ли слоужити за нь. и коутья слати** 'Если человек при жизни даст деньги на сорокоуст (за упокой), следует ли служить за него и слать кутью?' [Вопрошание Кирика: 56—57];
- (26) ...**въ волости твоѣи только вода пити в городицаньхъ** 'В Городище, твоём владении, только воду пить' [Зализняк 2004: 447] (40—70-е гг. (предпочт. не ранее 60-х гг.) XII в.);
- (27) ... **а иже кого достоупилъ. а томуу не гати ничтоже. а шпитемья приати противоу силѣ** 'А если с ним совокупился, то ему ничего [нельзя] есть. А епитимью принять по силе' [Вопрошание Кирика: 60];
- (28) ... **что ксми гже товѣ далъ · полтину · дати биричю · а грамота взать** 'Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно дать биричю, а [у него] взять грамоту' [Зализняк 2004: 570] (1360—1370-е гг.);
- (29) ... **да цо въ ти година отправить отьцу ино въ добро** 'Да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо' (20-е гг. XV в.) [Там же: 644];
- (30) ... **А кже человекъ боудеть въ шпитемьи. а поидеть на великыи поуть? — Рѣшити и, рече, и молитва раздрѣшьната дати кмоу, но шть държитъ заповѣдь** 'А если человек будет в епитимьи

(на человека наложат епитимью) и такой пойдет на великий путь? — Отпустить грех, — сказал (Нифонт), — и молитву об отпущении грехов о нем сотворить, но пусть держит (исполняет) заповедь' [Вопрошание Кирика: 60];

- (31) ... **достонть лѣсти въ алтарь. шполосноувѣшеся. и коуангльк цѣловати. и измывшеся и дора гаси и мощи цѣловати шмывшеся.** 'Нужно заходить в алтарь, ополоснувшись, и Евангелие целовать, а дору вкушать и мощи целовать [нужно], омывшись' [Там же: 52];
- (32) **Пра[ша]хъ паки аже отроци холостни. каютъся оу насъ. тако блюстися блуда да дроугыи сблюдетъ колнко любо а дроугыи мало. дажъ и падають. азъ ли имъ в божници быти. и коуангльк цѣловати. и дора гаси.** 'Спрашивал еще: если отроки холостые дают у нас обещание, что будут воздерживаться от блуда, но один соблюдает сколько-нибудь, а другой мало и падает (до греха), — можно ли им в церкви быть и Евангелие целовать и дору вкушать?' [Там же: 41];
- (33) **Тѣлнаго ради женскаго. со Оркадикъ молвихъ се со игоуменомъ. а творашеся и епископа прошавъ. инѣхъ. а не покладоша ни за чтоже. то ксть Ѡ волѣзни и в божници ставати. коуангльк цѣловати. дора гаси** 'О женских телесных [недугах], я говорил с игуменом Аркадием, а он утверждал, что спрашивал даже епископа [и] других. И они не придали этому значения: это от болезни, и можно в церкви стоять, Евангелие целовать и дору вкушать' [Там же: 34];
- (34) **Въ чистоюю недѣлю достонть. медъ гаси прѣсныи. квасъ житныи. а икра по все говѣникъ бѣлцемъ** 'В чистую неделю следует есть мед пресный, квас житный, а икру — во все говение не монахам' [Там же: 31—32];
- (35) ... **Или не прислеши а мнѣ ти стати о(у кня)за и у вѣдкѣ а больши ти протера гоши(ти)** 'Если же не пришлешь, то я встану (подразумевается: с тобой на суд) перед князем и епископом; тогда к большему убытку готовься' Грамота № 155 (60—90-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 381];
- (36) **А се оурачи городникоу · закладяюче городню, куня взати** 'А плата городнику такая: закладывая городню, взять куну...' [Правда Русская 1963: 132];
- (37) ... **а та грамота кнже дати ти назадъ** (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3, цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (38) ... **а белка купити** 'а белку купить' (Полоцк, гр. 1405 г. Там же: 419);
- (39) ... **лучше бы ми вода пити въ дому твоем...** 'лучше бы мы воду пили в доме твоём' (Моление Даниила Заточника [Там же: 419]);
- (40) ... **и тебе ему исправа учинити** 'и тебе нужно ему исправу учинить (его рассудить)' [Там же: 65];

- (41) ... **А та земля** очистити Матфею и Самуилу 'А ту землю очистить для Матфея и Самуила' [Там же: 10];
- (42) ... **Аже боудѣте холъпѣ оубитѣ** :: **а гривна сѣрѣбра** заплатити 'Если будет холоп убит, заплатить гривну серебром' (Смол. торговый договор 1229 г., список А, [Смоленские грамоты 1963: 21]).

Если существительное прямого дополнения не является акцентоносителем, то оно маркируется В. п., как в примере 2, где акцентоносителем является **ци ли толико древлноу**.

Для сравнения обратимся к материалу севернорусских диалектов. В примерах из этих материалов есть (или подразумеваются) модальные слова, прямое дополнение распложено слева от инфинитива, существительное, которым оно выражено, — неодушевленное и нереперентное. В (43—46) механизм выбора акцентоносителя идентичен механизму в предыдущих примерах (примеры (43—46) взяты из материалов экспедиций в Архангельскую область 1996—2007 гг. [НКРЯ]):

- (43) *Видно, отец... Надо было **баня рубить**, видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане;*
- (44) *Вам только гроб сделать да **яма выкопать**;*
- (45) *Ничего не было, счастья никакого. Знаю, что как на страшный суд пойдут, **на страшный суд при конце света**, да говорят, надо бы **рубашка найти**;*
- (46) *Молице не тяжело, **ручка накинуть на себя, на свое личико**.*

Что касается порядка слов, то в 78% случаев инфинитив следует за дополнением в древнерусских клаузах с конструкцией «И. п. + инфинитив», а порядок «инфинитив + ИГ И. п.» встретился в 22% случаев (база релевантных примеров, относящихся к древнерусскому периоду, составляет всего 53 клаузы). В теории линейно-акцентных преобразований известен механизм, перемещающий акцентоноситель ремы левее вершины сказуемого (Left Focus Movement⁴) [Циммерлинг 2013: 264—281]. Однако в 22% случаев этот механизм не работает (ср. примеры ниже). Кроме того, механизм Left Focus Movement представлен и в конструкциях «В. п. + инфинитив». Следовательно, перемещение актанта левее вершины инфинитивной клаузы — это факультативная операция, необходимое, но не достаточное условие акцентного выделения вершины ИГ в древнерусском языке.

- (47) **А сего прашахъ владыки аже боудутъ дшегоубци, а не имоутъ законныхъ женъ. како держати имъ **епитимья**** 'А вот что я спросил у владыки: Если окажутся убийцы и у них нет законных жен, как им держать епитимью?' [Вопрошание Кирика, И8];

⁴ Left Focus Movement — «перемещение элемента влево из позиции конечной ремы в позицию в начале группы сказуемого, предшествующего вершине глагольной группы» [Циммерлинг 2013: 281].

- (48) Попови достонитъ. хотаче погроужати въ водѣ. роуцѣ совѣ завити. а[тъ] не омочитъся опастък. тако же и пелена ‘Следует попу, который хочет погружать в воду [кого-то], руки себе обвить, чтобы не намочить рукав, а также пелену’ [Вопрошание Кирика: 33];
- (49) Нечистѣ женѣ достонитъ, рече, гаси проскоурмисана проскоура. доры не достонитъ. ни коуангельа цѣловати. ни въ церковь лѣсти ‘Нечистой женщине можно, сказал он, есть просфору, после проскомдии, но доры нельзя, ни Евангелие целовать, ни в церковь заходить’ [Там же: 57];
- (50) аще то створитъ преже дати шпитемна. и потомъ поставитъся ‘Если это совершит [до поставления попом], то прежде наложить епитимью и потом поставить’ (Вопрошание Кириково (Основная ред.) по списку ГИМ. Увар. № 791 XV в., К78; цит. по [Мильков, Симонов 2011: 388]);
- (51) ... Прашахъ и сего: аще и жена родитъ дѣтѣ. или иногда сквърнна. достонит ли съ своимъ мужемъ быти. добро бы, рече, дондеже чиста боудеть тоже быти с нею. да быша любо и до .й. днии. дати шпитемья за то ‘Спросил еще вот что: если женщина родит ребенка или когда она нечиста, можно ли ей быть со своим мужем? — Нужно бы, — сказал он, — не раньше чем будет чистой, тогда быть с нею, хотя бы до 8 дней, дать за это епитимью’ [Вопрошание Кирика: 57];
- (52) ... Ино дать на него грамота судная по томѣ ‘и дать на него судную грамоту в соответствии с этим’ [Timberlake 1974: 15];
- (53) ... взяти грѣна кунѣ за соромѣ ‘взять гривну кун за позор’ (Русская Правда по списку 1282 г., цит. по [Борковский, Кузнецов 2006: 419]);
- (54) ... а шчищивати та земля ‘а очищать ту землю’ (Двин. Закладная гр. 1449 г. № 15 [Там же: 419]);
- (55) ... товѣ знати своя отчина. а мнѣ знати своя отчина ‘Тебе знать свою вотчину, а мне свою’ (Моск. договорная гр. 1362 г. 15 [Там же: 419]);
- (56) ... а мнѣ даи бѣ исправити правда новгородъска ‘А мне дай бог исправить правду новгородскую’ (Новгородская Синодальная летопись XIII—XIV вв. [Там же: 419]);
- (57) А се оурачи городникоу · закладаюче городьна, кѣна взати а кончавше ногата ‘А плата городнику такая: закладывая городню, взять куну, а закончив ногату...’ [Правда Русская: 91];
- (58) *А вот не знаю, почему, шо в дом идешь, дак надо в перву очередь взять кошку. Кинуть кошка, бросить кошка* (из материалов диалектологических экспедиций (Архангельская область, 1996—2007, НКРЯ).

В примере (59) слово шпитемью находится в постпозиции к глаголу:

- (59) ... **аще то створить преже дати ѡпитемью и потомь поставиться**
 ‘Если до постановления [попом] нечто из того совершит, то преже
 де наложить епитимью и потом [можно будет его] поставить’ [Во-
 прошание Кирика: 45].

Этот пример с актантом в винительном падеже как будто противоречит нашим утверждениям, но в редакции Вопросания Кирикова по списку ГИМ, Увар. № 791 XV в. слово стоит в И. п. [Мильков, Симонов 2011: 388] — очевидно, такое чтение и было первичным.

В таблицах 1 и 2 показано распределение позиции прямого дополнения относительно инфинитива, числами обозначено количество клауз, содержащих указанный признак. В новгородских памятниках и севернорусских диалектах преобразование Left Focus Movement чрезвычайно распространено. Надо сказать, что, в сочетаниях «прямое дополнение — личная форма глагола», позиция прямого дополнения слева от вершины клаузы в берестяных грамотах встречается значительно чаще, чем в книжных древнерусских памятниках (по материалам А. А. Пичхадзе, распределение левой и правой позиции дополнения в берестяных грамотах составляет 113 : 117) [Пичхадзе 2014].

Таблица 1

Расположение дополнения в В. п. относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	14	16
Берестяные грамоты	10	7
Русская Правда	37	31
Северные диалекты (НКРЯ)	230	167

Таблица 2

Расположение дополнения в И. п. относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	10	5
Берестяные грамоты	6	1
Русская Правда	1	1
Северные диалекты (НКРЯ)	17	5

Остальные примеры с И. п., взятые из работ [Зализняк 2004; Попов 2012; Потехня 1958; Степанов 1984; Timberlake 1974] и из других источников, не учтены в таблице.

В таблице 3 обобщены данные двух первых таблиц, исключая данные по Русской Правде. По таблице видно, что порядок слов в определенной

мере предсказывает результат выбора между исследуемыми падежами. Данные северных диалектов и древненовгородских текстов в ней объединены на том основании, что древненовгородский диалект и современные северные диалекты скорее ведут себя одинаково, чем по-разному.

Таблица 3

	OV	VO
И. п.	32 (73 %)	12 (27 %)
В. п.	254 (57 %)	190 (43 %)

При сравнении данных древнерусского языка и севернорусских диалектов мы приходим к выводу, что дифференцированное маркирование прямого дополнения происходит не совсем одинаково. Сравнение факторов-лицензоров этого явления представлено в таблице 4.

Таблица 4

**Признаки дифференцированного маркирования прямого дополнения
в древнерусском языке и современных севернорусских диалектах**

Наличие модального оператора	Современные севернорусские диалекты	Древнерусский язык
	+/-	+
Одушевленность	«нарицательные обозначения животных» и «нарицательные неодушевленные»	«нарицательные обозначения животных» (при родовом референциальном статусе) и «нарицательные неодушевленные»
Референциальный статус	Нереферентные ИГ, неопределенные по отношению к говорящему ИГ, слабоопределенные ИГ	Нереферентные ИГ, неопределенные по отношению к говорящему ИГ, слабоопределенные ИГ
Порядок слов	Преимущественно препозиция к глаголу	Преимущественно препозиция к глаголу
Коммуникативное членение	Прямое дополнение — акцентоноситель	Прямое дополнение — акцентоноситель

Важно сказать, что данное явление распространено не только на территории древненовгородского диалекта. Мы можем встретить его в смоленской договорной грамоте 1229 года:

(60) **Такова правда оузати роусиноу оу ризѣ · и на гочкомь березѣ**
(Смол. торговый договор 1229 г., список А, [Смоленские грамоты 1963: 22]).

Подобные примеры, уже из южновеликорусских говоров, приведены в статье С. И. Коткова [1959].

5. Проблема финно-угорского влияния

Балтийские, германские и славянские языки, распространенные в ареале вокруг Балтийского моря и входящие в условное образование, называемое циркум-балтийскими языками [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001], объединены рядом фонетических и морфосинтаксических признаков, которые, вероятно, развились под влиянием неиндоевропейских языков. В пользу финно-угорского влияния на севернорусские диалекты свидетельствует несколько фактов. Первый — лингвогеографический: финно-угорские языки распространены островами и изолированы друг от друга на территории русского языка (исключение составляют некоторые наиболее крупные из них, такие, например, как финский, эстонский и венгерский — они не подверглись значительной интерференции и не утратили своих позиций, то есть сохранили достаточно высокий уровень престижности и достаточное количество носителей). На территории русского языка, по данным сайта Ethnologue, находятся и 19 уральских языков. Второй аргумент — исторического свойства: ранние хроники фиксируют контакт славянских и финно-угорских племен начиная уже с 862 года. Предположительно, этот процесс начался еще в VI в. [Decsy 1967: 150—151; Veenker 1967: 18; Thomason, Kaufman 1988: 239].

Финно-угорское влияние на славянские и балтийские языки является широко обсуждаемым фактом и подробно рассматривается в работах [Decsy 1967; Thomason, Kaufman 1988; Timberlake 1974; Veenker 1967; Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001]. В них описываются некоторые просодические, фонологические и морфосинтаксические явления, которые предположительно заимствованы из финно-угорских языков. В нашей работе мы рассматриваем гипотезу о заимствовании параметра номинатива объекта.

Ситуация языкового контакта славянских и балтийских языков с финно-угорскими языками определяется в лингвистике как языковой сдвиг [Thomason, Kaufman 1988]. Языковой сдвиг — ситуация взаимодействия между языками, при которой группа носителей одного из языков, взаимодействующих друг с другом, переходит на второй в зависимости от разных факторов. «Ошибки», которые допускает группа носителей, говорящая на новом для них языке, имитируют их оригинальный язык [Там же: 39]. Понятие языкового сдвига восходит к понятию субстратной интерференции. Согласно работе [Matras 2007], существует два основных типа заимствований: заимствование материала (*matter borrowing*), знаковой единицы целиком, вместе с ее оболочкой, и заимствование модели (*pattern borrowing*), т. е. характерной для другого языка функции или способа аранжировки знаковых единиц. Второй тип заимствований возможен при ситуации языкового сдвига. Для этих случаев характерен переход синтаксического и фонологического материала и нехарактерно заимствование лексики [Thomason, Kaufman 1988].

Среди фонологических свидетельств финно-угорского влияния можно выделить цокание в северных русских говорах [Decsy 1967; Veenker 1967]. Из морфосинтаксических признаков мы рассмотрим конструкции с номинативом объекта и конструкции с субъектным результатом в древнерусском языке и современных северных говорах.

Параметр «номинатив объекта» встречается в нескольких языках циркумбалтийского объединения. Среди них диалекты латышского, литовского, северные диалекты русского языка. Данная конструкция встречается также в древнескандинавском языковом континууме [Циммерлинг 2002: 770—772]. Заимствование модели дифференцированного маркирования прямого дополнения из финно-угорских языков в указанные языки вполне возможно.

К модели древнерусского и севернорусского дифференцированного маркирования прямого дополнения наиболее близка модель лугового марийского языка. В марийском языке прямое дополнение может оформляться маркером аккузатива или оставаться без оформления. Так же, как и в древнерусском (в севернорусских диалектах возможен И. п. при личной форме глагола), в марийском языке оформление прямого дополнения возможно только в зависимой предикации с нефинитной формой глагола. В случае финитной предикации показатель аккузатива обязателен [Сердобольская, Толдова 2012: 77—78]. Учитываются референциальный статус, порядок слов и коммуникативное членение высказывания. Обязательна препозиция дополнения к глаголу, более того, прямое дополнение и глагол не могут линейно разрываться [Там же: 79]. Ср.:

- (61) (а) *Rvez-ən motor-ən poč'elamut lud-m-əž-lan*
 мальчик-GEN хорошо-ADV стихотворение читать-NZR-3SG-DAT
tun-əkt-əšö kuan-en
 учить-TR-PTCP/ACT радоваться-PRT
- (б) *Rvez-ən poč'elamut-əm / *poč'elamut motor-ən*
 мальчик-GEN стихотворение-ACC / стихотворение хорошо-ADV
lud-m-əž-lan
 читать-NZR-3SG-DAT
 Учитель рад, что ученик хорошо читает стихи.

Так же, как и в древнерусском языке, прямое дополнение оказывается неререферентным [Сердобольская, Толдова 2012: 79—84]. С точки зрения коммуникативного членения правило выбора прямого дополнения в марийском языке формулируется следующим образом: «Если глагол и ПД (прямое дополнение) оказываются в одном темарематическом компоненте, возможно опущение аккузатива. В противном случае (глагол принадлежит теме, ПД — реме, или наоборот) аккузатив обязателен» [Там же: 85]. Фактор коммуникативного членения в марийском языке стоит иерархически выше, чем фактор референтности/неререферентности [Там же: 84].

В печорском диалекте коми-зырянского языка прямое дополнение может маркироваться тремя способами: кумулятивным показателем притяжа-

тельности и аккузатива, показателем аккузатива или выражаться немаркированной формой [Там же: 105]. Немаркированная форма может встречаться как в финитных, так и в нефинитных клаузах. В отличие от лугового марийского языка здесь самым главным является фактор одушевленности. Он обуславливает жесткий запрет на немаркированную ИГ для одушевленного референта [Там же: 108]. При этом объекты, обозначающие некрупных животных, могут выступать в немаркированной форме [Там же: 108]; такую же картину в отношении животных, только с номинативом объекта, мы видим в древнерусском языке.

В финском языке, согласно [Timberlake 1974], немаркированное имя может выражать прямое дополнение в трех типах клауз: с императивом, с пассивом и с инфинитивом. Также немаркированному имени сопутствует неодушевленность.

В других финно-угорских языках, описанных в работе [Сердобольская, Толдова 2012], представлены другие модели, в каждой из которых есть вариант немаркированного прямого дополнения. Эти модели отличаются вариациями синтаксических ограничений и иерархиями приблизительно одних и тех же факторов (см. раздел 2), которые влияют на выбор прямого дополнения. Судя по всему, механизм выбора оформления прямого дополнения является языковым параметром, легко поддающимся изменениям в ходе языковой эволюции [Там же: 137]. Мы полагаем, что модель дифференцированного маркирования прямого дополнения могла быть заимствована на определенном этапе развития русского языка из одного (или нескольких) идиомов, а затем видоизмениться в соответствии с потребностями заимствующего языка: закреплением категории одушевленности, задачей грамматического выделения акцентоносителя.

Кроме явления дифференцированного маркирования объекта, результатом финно-угорского влияния является регулярный субъектным результатом, который образуется с помощью причастий на *-но*, *-то* и распространяется конструкцией *у + родительный падеж* (далее Р. п.) [Veenker 1967; Трубинский 1983]. Например:

- (62) *У сына жененось* [Трубинский 1983: 223];
- (63) *У него уехано было* [Там же];
- (64) *Замуж-то у ей с весны выйдено* (Карел.) [Там же];
- (65) *Глядите-кась у котят разваленось на полу* (Волог.) [Там же].

Результатив — «форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недялков, Яхонтов 1983]. Причастие в данных структурах образуется от непереходных глаголов и не может употребляться вне конструкции *у + Р. п.* [Трубинский 1983]. Помимо данной субъектной результативной структуры, в русских говорах присутствуют субъективный результатив с причастием на *-ши*:

- (66) *Отец вставши* (пск.) [Там же: 217].

8. Заключение

В статье рассмотрена конструкция с И. п. объекта в древнерусском языке, проанализированы такие признаки, как модальность, одушевленность/неодушевленность, референтность / нереперентность, порядок слов, коммуникативное членение предложения. «Типичные» конструкции с И. п. дополнения должны быть модальными, имя должно быть, как правило, одушевленным, нереперентным, стоять перед инфинитивом и быть в реме или актуализированной теме.

Можно заключить, что имеется вариант дифференцированного маркирования прямого дополнения, когда существует один дефолтный падеж (в данном случае В. п.) и одна форма, которая маркируется прямым падежом (И. п.).

Выбор И. п. ИГ инфинитивной клаузы является одним из маркеров того, что вершина ИГ группы является акцентоносителем ремы. Другим маркером является перемещение вершины ИГ левее инфинитива (Left Focus Movement).

Анализ данных при сравнении с материалом финно-угорских языков, а также параллель с конструкцией с субъектным результатом приводит к возможному принятию гипотезы о субстратном заимствовании модели дифференцированного маркирования.

Список сокращений и глосс⁵

И. п. — именительный падеж	INF — инфинитив
ИГ — именная группа	NOM — именительный падеж (номинатив)
В. п. — винительный падеж	NZR — номинализатор
Волог. — Вологодская область	PRT — прошедшее время
Карел. — Карелия	PRS — настоящее время
ACC — винительный падеж (аккузатив)	PTCP — причастие с неопределенным значением
ADV — наречие	
DAT — дательный падеж	SG — единственное число
GEN — родительный падеж	TR — транзитив

Литература и источники

- Барсов 1882 — Е. В. Барсов. Причитанья северного края. М., 1872.
 Борковский, Кузнецов 2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

⁵ Примеры, заимствованные из работ других исследователей, перенесены вместе с приведенными глоссами.

- Вопрошание Кирика — Вопрошание Кирика // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв. / Под ред. А. С. Павлова. 2-ое изд. СПб., 1908. С. 22—62.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров: Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII. Вып. 1. М., 1959. С. 45—53.
- Коношенко 2009 — М. Б. Коношенко. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Труды института лингвистических исследований. СПб., 2009. Т. V. С. 42—76.
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. № 4. С. 50—69.
- Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Под ред. В. П. Недялкова. Л., 1983. С. 5—41.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Пичхадзе, Родионова 2011 — А. А. Пичхадзе, А. В. Родионова. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке. // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (21). М., 2011. С. 127—162.
- Пичхадзе 2014 — А. А. Пичхадзе. Хэндаут по материалам семинара в МГГУ им. М. А. Шолохова от 25.04. 2014.
- Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 2. М., 1958.
- Правда Русская — Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963.
- Сердобольская, Толдова 2002 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. М., 2002. С. 106—125.
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 59—142.
- Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова. Подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Серия литературы и языка. Т. 43. № 2. М., 1984.
- Трубинский 1983 — В. И. Трубинский. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект) / Под ред. В. П. Неद्याлкова. Л., 1983. С. 216—229.
- Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов в славянских языках в типологическом аспекте. М., 2013.
- Янин, Зализняк, Гиппиус 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 годов). Т. XII. М., 2015.
- Янко 1999 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры // Автореферат дисс.... доктора филол. наук. М., 1999.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Subjects and Direct objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case Marking Systems // *Etudes Finno-Ougriennes*, XII. 1975. P. 5—17.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. 2nd edition. Chicago, 1989.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. The Circum-Baltic Languages. Introduction to the volume // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic languages Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Decsy 1967 — G. Decsy. Is there a Finnic substratum in Russian? // *Orbis* 16. 1967. P. 150—160.
- Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. V. II. Amsterdam, 1990.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. Лекция, прочитанная в LSA institute в июле 2005 г. Материалы доступны на веб-странице: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf>.
- Kiparsky 1960 — V. Kiparsky. 1960. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. XXVIII. 333—342. Heidelberg, 1960.
- Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of structural categories // *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Matras, Yaron & Sakel (eds.). Berlin; New York, 2007.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the Case Marking of Objects // J. H. Greenberg (ed.) // *Universals of human language*. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249—289.
- Postal 1974 — P. Postal. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / R. M. W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112—171.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich, 1974.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
- Veenker 1967 — W. Veenker. *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache (= Uralic and Altaic series. Vol. 82)*. Bloomington, 1967.

Woolford 2003 — E. Woolford. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // *New Perspectives in Case Theory* / E. Brandtner and H. Zinsmeister (eds.). Chicago, 2003. P. 299—327.

Zimmerling 2013 — A. Zimmerling. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // *Computational linguistics and intellectual technologies*. 2013. Vol. 12 (19). P. 723—737.

References

Barsov 1882 — E. V. Barsov. *Prichitan'ya severnogo kraya*. Moskva, 1872.

Borkovskiy, Kuznecov 2006 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 2006.

Comrie 1975 — B. Comrie. Subjects and Direct objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case Marking Systems // *Etudes Finno-Ougriennes*, XII. 1975. P. 5—17.

Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. 2nd edition. Chicago, 1989.

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. The Circum-Baltic Languages. Introduction to the volume // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic languages Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Decsy 1967 — G. Decsy. Is there a Finnic substratum in Russian? // *Orbis* 16. 1967. P. 150—160.

Givon 1990 — T. Givon. *Syntax: A functional-typological introduction*. V. II. Amsterdam, 1990.

GVNP — *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*. Moskva; Leningrad, 1949.

Haspelmith 2005 — M. Haspelmath. Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. Лекция прочитанная в LSA institute в июле 2005 г. Материалы доступны на веб-странице: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf>.

Kiparsky 1960 — V. Kiparsky. 1960. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. XXVIII. 333—342. Heidelberg, 1960.

Konoshenko 2009 — M. B. Konoshenko. Differencirovannoe markirovanie ob'ekta v kalmyckom yazyke // *Issledovaniya po grammatike kalmyckogo yazyka*. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. St.-Peterburg, 2009. T. V. S. 42—76.

Kotkov 1959 — S. I. Kotkov. Konstrukcii tipa «zemlya pakhat'» v istorii yuzhnovelikorusskikh govorov: Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. T. XVIII. Vyp. 1. Moskva, 1959. S. 45—53.

Kovtunova 1976 — I. I. Kovtunova. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya. Moskva, 1976.

Krys'ko 1994 — V. B. Krys'ko. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka. Moskva, 1994.

Lyutikova 2014 — E. A. Lyutikova. Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoe markirovanie ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka // *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Seriya Filologicheskie nauki*. 2014. № 4. S. 50—69.

Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of structural categories // *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Matras, Yaron & Sakel (eds.). Berlin; New York, 2007.

- Mil'kov, Simonov 2011 — V. V. Mil'kov, R. A. Simonov. Kirik Novgorodec: uchenyy i myslitel' / Pamyatniki drevnerusskoy mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VII. Moskva, 2011.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the Case Marking of Objects // J. H. Greenberg (ed.) // Universals of human language. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249—289.
- Nedyalkov, Yakhontov 1983 — V. P. Nedyalkov, S. E. Yakhontov. Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy // Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt) / Pod red. V. P. Nedyalkova. Leningrad, 1983. S. 5—41.
- Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. Moskva, 1985.
- Pichkhadze 2014 — A. A. Pichkhadze. Xendaut po materialam seminaru v MGGU im. M. A. Sholokhova ot 25.04 2014.
- Pichkhadze, Rodionova 2011 — A. A. Pichkhadze, A. V. Rodionova. O poryadke slov v sochetaniyakh «lichnaya forma glagola — pryamoe ob'ektnoe dopolnenie» v drevnerusskom yazyke. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (21). Moskva, 2011.
- Popov 2012 — A. V. Popov. Sravnitel'nyy sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhey v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugikh yazykakh. Moskva, 2012.
- Postal 1974 — P. Postal. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
- Potebnya 1958 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 2. Moskva, 1958.
- Pravda Russkaya — Pravda Russkaya / Pod red. B. D. Grekova. T. 3. Faksimil'noe vosproizvedenie tekstov. Moskva, 1963.
- Serdobol'skaya, Toldova 2002 — N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova. Nekotorye osobennosti oformleniya pryamogo dopolneniya v mariyskom yazyke // Lingvisticheskiy bespredel. Moskva, 2002. S. 106—125.
- Serdobol'skaya, Toldova 2012 — N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova. Differencirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh // N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina. Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyy i funkcional'nyy podkhody. Moskva, 2012. S. 59—142.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / R. M. W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112—171.
- Smolenskie gramoty 1963 — Smolenskie gramoty XIII—XIV vekov / Pod red. R. I. Avanesova; podgot. k pech.: T. A. Sumnikova, V. V. Lopatin. Moskva, 1963.
- Stepanov 1984 — Yu. S. Stepanov. Oborot zemlya pakhat' i ego indoevropskie paralleli // Seriya literatury i yazyka. T. 43. № 2. Moskva, 1984.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. Thomason, T. Kaufman. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.
- Trubinskiy 1983 — V. I. Trubinskiy. Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh // Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt) / Pod red. V. P. Nedyalkova. Leningrad, 1983. S. 216—229.
- Tsimmerling 2002 — A. V. Tsimmerling. Tipologicheskiy sintaksis skandinavskikh yazykov. Moskva, 2002.
- Tsimmerling 2013 — A. V. Tsimmerling. Sistemy poryadka slov v slavyanskikh yazykakh v tipologicheskom aspekte. Moskva, 2013.

Veenker 1967 — W. Veenker. Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache (= Uralic and Altaic series. Vol. 82). Bloomington, 1967.

Voproshanie Kirika — Voproshanie Kirika // Russkaya istoricheskaya biblioteka T. 6. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch.1. Pamyatniki XI—XV vv. / Pod red. A. S. Pavlova. 2-oe izd. St.-Peterburg, 1908. S. 22—62.

Woolford 2003 — E. Woolford. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // New Perspectives in Case Theory / E. Brandtner and H. Zinsmeister (eds.). Chicago, 2003. P. 299—327.

Yanin, Zaliznyak, Gippius 2015 — V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 godov). T. XII. Moskva, 2015.

Yanko 1999 — T. E. Yanko. Kommunikativnye strategii i Kommunikativnye struktury // Avtoreferat diss.... doktora filol. nauk. Moskva, 1999.

Yanko 2001 — T. E. Yanko. Kommunikativnye strategii russkoy rechi. Moskva, 2001.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.

Zimmerling 2013 — A. Zimmerling. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // Computational linguistics and intellectual technologies. 2013. Vol. 12 (19). P. 723—737.

Резюме

В работе описываются конструкции «номинатив объекта» при инфинитивном обороте в древнерусском языке и древненовгородском диалекте. В данной позиции существуют две конкурирующие конструкции: номинатив объекта и объект в аккумулятиве (стандартное маркирование). Цель данной работы — понять, чем мотивирован выбор падежа в данных конструкциях. Номинатив объекта в инфинитивных клаузах рассматривается в терминах дифференцированного маркирования объекта. В статье номинатив объекта сравнивается с немаркированными объектами в уральских языках. Наибольшее значение в выборе падежа имеют такие факторы, как порядок слов и актуальное членение предложения.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, номинатив объекта, древнерусский язык, древненовгородский диалект, порядок слов, актуальное членение предложения

Статья получена 17.01.2016

ROMAN V. RONKO

DIFFERENTIAL OBJECT MARKING IN INFINITIVAL CLAUSES IN OLD RUSSIAN

This study describes the use of the nominative object in infinitive clauses in Old Russian and Old Novgorod dialect. There are two competing constructions in this position: nominative object with infinitive and standard (accusative) object. The main goal of the paper is to analyze the choice between nominative and accusative case in these constructions. Nominative objects in infinitival clauses are considered in terms of differential ob-

ject marking (DOM). The author compares nominative objects with unmarked objects in the Uralic languages. The most significant for the selection of case in this construction are word order and information structure.

Keywords: differential object marking, nominative object, Old Russian language, Old Novgorod dialect, word order, information structure

Received on 17.01.2016